

охотники устроили с вечера засады на всех возможных проходах.

Колоде с братом Матвеем достался караул возле ключа, отделявшего кедрач от осинника. Натеревшись хвоей, они сели в кустах, стараясь не смыкать глаз, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, карабкался на сосогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя стая всё это время бродила здесь же, искусно минуя засады.

Среди ночи у Колоды вдруг возникло ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не заметил Смелычака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увёл стаю в пушистую сеть отрогов и распадков.

Другие засады так же не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами выгнать стрелу, но рана была смертельной, и он вскоре околел. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивился Матвей.

— А что ты хочешь? Они же слуги дьявола, — пояснил кто-то из стариков.

После потери собрата стая словно испарилась. Ставшие уже забывать о её существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестокой и бессмысленной резнёй: большинство убитых оленей лежали нетронутыми. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки явно не пропали даром. Поднатеревший Смелычак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох. Как-то раз, переплывая речку, Смелычак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смелычак разжал зубы...

А однажды зимой серые, обжевав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: бдительные животные не позволяли приближаться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной по насту!

Инстинкт подсказал Смелычаку, что стаю выдаёт резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго тёрлись о снег, политый мочой оленей и их свежий помёт. Эта немудрёная процедура позволила подойти к табуна настолько близко, что удалось зарезать разом важеньку и престарелого рогака.

Стая попиrowала и залегла на долгожданный отдых. Случайно наткнувшись на место трапезы охотники вспугнули зверей. Обжевшись волки убежали сначала не торопясь, грузно прыгая, но когда меткий выстрел Колоды уложил одного из них, они изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пушанных вдогонку пуль настигла отстававшего волка. Раненый зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти... Остальные волки укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили — считали, что там обитает нечистая сила.

Колода, изучивший повадки стаи, уверовал, что их вожак и в самом деле порождение дьявола. Не мог же Господь наделять столь выдающимися способностями такую бездушную тварь!

Смелычак тоже хорошо знал своих гонителей. Особенно Колоду, чужая в нём сильного противника, тушуясь, порой от его уверенного и проницательного взгляда. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смелычака, но вместе с тем и непостижимым

образом притягивал, порождая желание вновь схлестнуться, помериться силой.

Осмотрительно избегая прямой стычки, волк, дабы доказать своё превосходство, замыслил прикончить его верного товарища — ручную рысь по кличке Лютый. Маленьким умирающим котёнком Колода подобрал его в лесу. Живя рядом с охотником, рысёнок превратился в его самого преданного друга, понимавшего человека с полуслова. Да и сама стая давно точила клыки на независимого и изворотливого кота. Но Лютый в те дни когда уходил из селения попространствовать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре вскоре всё же представился.

По изменениям в следах Лютый серые поняли, что он повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустились в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь помчалась к внушительному скалистому останцу. Бежала она с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрылённая доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти настигнутый Лютый успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди молча пошибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютый, хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошёл к другу. На дне пропасти лежали разбитые о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смелычак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата своры приближённых стала для Смелычака потрясением. Лишь на следующий день он вернулся в стаю, отдохнувшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немудримых позах в тени деревьев. Увидев Смелычака, они по привычке встали, но смотрели на него напряжённо, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал свое непочтение. «Ну что, померяемся силой? Давай! Я готов!» — говорил он всем своим видом.

Смелычак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни последних лет не прошёл даром: волк утратил былую силу и ловкость. Однако даже осознавая, что скорее всего уступит Широколобому, Смелычак не мог добровольно сдать власть — гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый осторожно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Вздвигаясь Смелычак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, выражая решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, отступая назад, принудил Смелычака сделать бросок. А противник только и ждал этого — отпрыгнув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожак с ног и, нависнув над ним, принял остревенело трепать ненавистный загривок.

Смелычак вырвался, но сильно ударился головой о ствол берёзы и, метнувшись в чащу, пустился прочь. Ещё никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смелычак всё бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он

добрался до местности, где зияли тёмные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьём, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смелычак свылся с участка изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, случайно столкнулась со Смелычаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смелычак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жаждой превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненого супруга ни на шаг, а когда тот околел, ещё долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смелычак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и по его подсказке, не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, пережевывая протухшее мясо, Смелычак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали — его тут же начинало рвать. Не способный быстро бегать, он приноравлился с присущей волкам неутомимостью и упорством преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шёл и шёл, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резко, металось с перемену, наконец тратило силы, но постепенно шаг тяжелея, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал последних сил. А Смелычака же близость добычи наоборот будоражила, придавала энергии. Наконец наступал момент, когда до предела измотанное животное смирялось с уготованной участью и покорно оттаивалось, уже безучастное ко всему. И тогда Смелычак подходил, жертва, как правило, даже не пыталась сопротивляться — расставалась с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватки в пище не испытывал — мало кому удавалось уйти от его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смелычак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролётные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи. Точно она! Брюхатая осторожно брела по перекачу прямо на него. Волк слотнул слону. От

предвкушения возможности поест свежинины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смелычак выверенным прыжком оседлал её и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности нападения, оберегая бесценное содержимое живота, лосиха опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой пополз к воде, а потрясённая мамаша удалилась в лесную чащу...

Выполняя просьбу отца-травозная, Колода после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шёл по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного настоя прихорнувшей матушке. Приседая на корточках, охотник с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы срывал траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смелычак?! Охотник резко обернулся и вниз, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза, вернее один полуоткрытый глаз, сразу выдал его — точно, Смелычак!

— Вот это встреча! Так ты, старый вурдалак, оказывается жив?! — воскликнул Колода.

Зверь вздрогнул, ещё сильнее прижал к загривку уши и втиснул голову в песок. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились — то ли от жалости к самому себе, то ли оттого, что было трудно смириться с бесславной участью обречённой жертвы.

А охотник смотрел на старого поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смелычак отвёл взгляд, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент в глазах Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворённость. Волк, словно почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты, браток, по заслугам.

Но просьба волка о пощаде и помощи была настолько искренней, что охотник даже смутился. Он прыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смелычаку. Тот в ужасе съёжился, дёрнул грязным, как дворовая метёлка, хвостом и как будто всхлинул. Шумно вздохнул и замер.

— Не робей, лежачих не бьют, — охотник склонился над зверем и... наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мёртв...

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал отцу о неожиданной встрече.

— Всё, как у людей, — задумчиво растягивая слова, проговорил старик. — Кто затевает раскол, тот от него сам же и гибнет.

